

Обе стороны были заклинателями огненной стихии, так что это была битва в самом буквальном смысле. Видя, как накаляется обстановка и пламя разгорается всё сильнее, Вэймин наложил разделяющий барьер. Даже если за городом никого не было, нельзя же позволить пожару уничтожить весь лес.

Хотя в Секте Чи Ян было много людей, их духовная энергия оставляла желать лучшего, поэтому они совсем не могли соперничать с Чжан Сюанем. Только у одного невысокого толстяка в руках имелся странный артефакт — квадратный предмет, способный поглощать огонь и обращать его против владельца. Чжан Сюань долго сражался с этим толстяком, пока у того, наконец, не иссякла духовная энергия, не позволяя больше активировать магический артефакт. Только тогда всё закончилось.

Как только барьер Чжан Сюаня пал, четверо поспешно схватили свои вещи и, словно спасаясь бегством, вернулись на мечях, боясь, что те призовут подмогу. Город Линфэн был главной базой Секты Чи Ян, и если бы туда пожаловал хоть один или два старейшины или глава секты, четвёрка могла бы и не вернуться живой. Даже если бы их не убили, то наверняка схватили бы, а это — позор для Горы Чжаояо и для Учителя.

Выслушав историю от начала до конца, Линь Цинмэн уставился на Фэн Синхэ, который всё ещё возился с поросенком, и, скривив губы, насмешливо произнес:

— Вот значит как!

Фэн Синхэ внезапно ощутил холодок за спиной и непроизвольно вздрогнул. Он передал поросенка стоявшему рядом старшему соученику и огляделся, обнаружив, что Учитель не сводит с него глаз, а его и без того холодное лицо стало ещё суровее. Заметив, что Ю Суваньэр строит ему рожицы, Фэн Синхэ понял, что дело плохо, и поспешно подбежал к ним. Видя, что Учитель продолжает смотреть на него ледяным взглядом, он мог лишь набраться смелости и глупо улыбнуться, а затем дернул маленькую лисицу за рукав:

— Старшая сестрица, что ты такое говоришь Учителю?

Голос его был очень тихим, но маленькая лисица не стала давать ему поблажек. Ю Суваньэр показала ему язык и громко выпалила:

— Рассказываю, как ты домогался красавицы, из-за чего нас всю дорогу преследовали и колотили.

— ...

— Учитель, это...

Фэн Синхэ обернулся и встретился с взглядом Линь Цинмэна, от которого, казалось, вот-вот посыплются ледяные искры. Нервно сглотнув, он опустил голову и зашептал в свое оправдание:

— Ученик правда не приставал к ней, не слушайте бред старшей сестры! Я просто глянул пару

раз, правда! Я не хотел навлекать на всех неприятности.

Холод в глазах Линь Цинмэна постепенно отступил, он внезапно улыбнулся и мягко спросил:

— А барышня из семьи Му хороша собой?

Фэн Синхэ опустил голову и покачал ею:

— Нехороша.

— Неправда.

Линь Цинмэн нахмурился, его недавний мягкий тон вмиг стал холодным и суровым:

— Если нехороша, чего же ты на неё смотрел? Пойдем за мной!

Сказав это, Линь Цинмэн развернулся и зашагал к вершине горы. Фэн Синхэ, понуриив голову, молча поплелся следом, по пути злобно зыркнув на Ю Суваньэр. Он остановился только у порога бамбукового домика и принялся ждать.

Вскоре Линь Цинмэн вышел, держа в руках тонкую книгу, и протянул её послушно ожидавшему у двери младшему ученику:

— Перепиши сто раз до часа крысы завтрашнего дня.

Взяв книгу, Фэн Синхэ увидел, что это Записки Янь Юаня. Видимо, Учитель хотел наставить его на путь истинный: не смотреть на то, что неподобающе, и быть сдержанным в словах и поступках. Сжав книгу, он поклонился Линь Цинмэну, его взгляд был серьезен, а слова искренни:

— Ученик обязательно перепишет всё в срок и запомнит наставление. Впредь я не повторю той же ошибки.

Его самого беспокоила эта привычка — пялиться на красавиц. Неужели он прирожденный сластолюбец? И можно ли это исправить?

Линь Цинмэн сел в кресло-качалку и закрыл глаза, перестав на него смотреть. Спустя долгое время он почувствовал, что тот всё еще стоит на месте, и холодно бросил:

— Хватит столбом стоять, иди ужинать, там уже должно быть всё готово.

— Слушаюсь, Учитель, ученик удаляется.

Фэн Синхэ спрятал записки за пазуху, решив, что после ужина вернется в комнату и начнет переписывать — сто раз это совсем не мало. Как только он переступил порог двора, за спиной снова раздался ледяной голос Учителя:

— Отныне забота о поросенке — твоя обязанность.

Когда ученик убежал, Линь Цинмэн поднялся. В его глазах больше не было льда — лишь очевидный гнев. Он сделал несколько глубоких вдохов, но ярость не только не утихла, но словно бы усилилась. Нужно сохранять спокойствие, нельзя допустить повторения прежних ошибок!

На кухне кипела работа: каждый старался показать, на что способен. Вскоре стол ломился от блюд — были там и кулинарные шедевры, и зрелища, на которые без слёз не взглянешь. Ученики как раз раздумывали, стоит ли пригласить Учителя к столу или лучше отнести ему самое вкусное, как вдруг почувствовали знакомый жар. Все подняли головы: это был Фэньтянь. Древний меч стремительно промелькнул над вершиной горы и устремился в глубины Дахуана. Никто не знал, куда собрался Учитель.

Закончив ужинать, Фэн Синхэ вернулся к себе и погрузился в переписывание книги. Дверь была распахнута, ведь на него возложили важную миссию — отнести Учителю лучшие блюда. Он ждал и ждал, переписал уже несколько раз, но Учитель всё не возвращался. Лишь когда в горах наступила полная тишина, во дворе послышались звуки. Фэн Синхэ тут же выскочил наружу.

— Учитель, что с вами?

Одеяние Линь Цинмэна, прежде безупречно чистое, было покрыто пятнами крови, волосы растрепались, словно он только что пережил ожесточенную схватку. Гнев в душе Линь Цинмэна почти утих, и голос его стал заметно мягче:

— В Дахуане активировались демонические звери, зараженные скверной. Я уничтожил нескольких. Почему ты еще не спишь?

Линь Цинмэн взглянул на тусклый свет в бамбуковом домике, на разбросанные по столу книги и бумагу, и недовольно нахмурился:

— Переписываешь книги при таком тусклом свете, не боишься ослепнуть? Быстро спать!

— Учитель, подождите меня.

Фэн Синхэ припустил в комнату, а затем выбежал обратно, держа перед собой большой поднос с несколькими видами блюд, понемногу от каждого:

— Это старшие соученики сегодня приготовили, хотели, чтобы вы попробовали, правда, еда уже немного остыла.

Линь Цинмэн опустил взгляд: блюд действительно было много — тушеное мясо, курица, очищенное рыбное филе, тефтели, грибы и горные побеги бамбука. Младший ученик держал поднос, но палочек у него не было. Учитель улыбнулся, протянул руку и пальцем указал на кусочек тушеного мяса:

— Давай попробуем это.

Фэн Синхэ опустил поднос чуть ниже и долго ждал, но Учитель, сказав, что хочет поесть, так и не шелохнулся. Что это значит? Они встретились взглядами. Линь Цинмэн перевернул ладони перед глазами ученика — они были испачканы кровью.

— Палочек нет, а мои руки сейчас не годятся для того, чтобы брать ими еду.

Фэн Синхэ наконец понял, что забыл взять палочки, и тут же смутился:

— Вот же... Учитель, подождите, я схожу за ними.

— Не нужно.

Линь Цинмэн остановил его:

— Все уже спят, разбудишь их. Возьми мясо рукой, мне хватит пары кусочков.

— А? А! Хорошо!

Фэн Синхэ уже собрался было взять еду правой рукой, но внезапно вспомнил, что она в чернилах, поэтому переложил поднос в правую, а левой пальцами подцепил кусочек мяса и осторожно поднес к губам Учителя. Линь Цинмэн открыл рот, принимая угощение, и его губы неизбежно коснулись пальцев ученика. Он ел неторопливо, не сводя глаз с Фэн Синхэ:

— Вкусно. Давай теперь это.

Фэн Синхэ, следуя указаниям пальца Учителя, подцеплял блюда одно за другим и кормил его. Они стояли в маленьком дворике: один кормил, другой ел. Фэн Синхэ казалось, что кончики его пальцев стали не его собственными — такими мягкими были губы Учителя. Он также заметил, что Учитель ест всё с большим удовольствием, и на его лице постепенно расцветала улыбка.

Вскоре поднос опустел. Фэн Синхэ посмотрел на Учителя: тот был счастлив, глаза светились мягким блеском, даже в уголках рта затаилась улыбка. Неужели Учителю так нравится еда, приготовленная учениками? Улыбаясь, Учитель выглядел еще красивее, чем обычно.

Остатки гнева в сердце Линь Цинмэна окончательно рассеялись, голос стал совершенно мягким:

— Иди отдыхай, сегодня больше не переписывай.

— Слушаюсь, Учитель.

Фэн Синхэ вернулся в комнату, поставил поднос на бамбуковый стол и уже хотел было пойти к тазу с водой помыть руки, как вдруг замер. Ведомый каким-то странным порывом, он поднес испачканные жиром кончики пальцев к губам и медленно облизал их:

— И правда, очень вкусно.

Тусклый огонек погас. Ложась в постель и размышляя о событиях дня, он натянул одеяло на голову и прошептал:

— Та барышня из семьи Му и правда некрасивая, и одного процента красоты Учителя не стоит. Я сказал чистую правду...

Он еще долго ворочался в кровати, прежде чем наконец затих, а его дыхание стало ровным и спокойным.

Сон.

На платформе Юйсю, что на пике Инъянь, на широкой площади выстроились ученики Гор Пяти Духов — в одинаковых белых одеждах, различающихся лишь цветом каймы на подоле. Трое божественных владык сидели на трех каменных тронах, бесстрастно взирая на то, что происходило внизу. Фэн Синхэ, связанный, стоял на коленях в центре платформы и в мольбе смотрел на Линь Цинмэна. Перед ним стоял Бессмертный Цзыхэн, занесший меч Чисяо.

— Стой!

В тот самый момент, когда меч должен был вонзиться в него, Линь Цинмэн шагнул вперед и перехватил руку Бессмертного Цзыхэна, державшую клинок.

<http://bllate.org/book/22359/2344024>